

[http://www.naspaa.org/accreditation/document/ Official_%20annual_roster_accredited_programs05-06.pdf](http://www.naspaa.org/accreditation/document/Official_%20annual_roster_accredited_programs05-06.pdf)

3. *Greenwood, J., Robins L.* Public Administration Programmes in the United Kingdom [Electronic resource] / UNPAN Country and Case Studies. — N.-Y., 1999. — Mode of access: <http://unpan1.un.org/intradoc/groups/public/documents/NISPAcee/UNPAN007882.pdf>

4. *Leutenecker, S.* Public Administration Programmes in Germany [Electronic resource] / UNPAN Country and Case Studies. — N.-Y., 1999. — Mode of access: <http://unpan1.un.org/intradoc/groups/public/documents/NISPAcee/UNPAN007873.pdf>

5. *Millar, M.* Public Administration Programmes in Ireland [Electronic resource] / UNPAN Country and Case Studies. — N.-Y., 1999. — Mode of access: <http://unpan1.un.org/intradoc/groups/public/documents/NISPAcee/UNPAN007875.pdf>

6. *Tanev, T.A.* Evaluation of Academic Programs in the Field of Public Administration and Their Degree of Europeanization: The Case of Bulgaria [Electronic resource] / UNPAN Country and Case Studies. — N.-Y., 2000. — Mode of access: <http://unpan1.un.org/intradoc/groups/public/documents/NISPAcee/UNPAN006430.pdf>

7. *Wokoun, R.* Public Administration Education in Czech Republic [Electronic resource] / UNPAN Country and Case Studies. — N.-Y., 2000. — Mode of access: <http://unpan1.un.org/intradoc/groups/public/documents/NISPAcee/UNPAN006432.pdf>

8. *Hajnal, G.* Public Administration Education: Hungary [Electronic resource] / UNPAN Country and Case Studies. — N.-Y., 2000. — Mode of access: <http://unpan1.un.org/intradoc/groups/public/documents/NISPAcee/UNPAN006433.pdf>

9. *Polianskiy, Y.* Public Administration Education in Ukraine [Electronic resource] / UNPAN Country and Case Studies. — N.-Y., 2000. — Mode of access: <http://unpan1.un.org/intradoc/groups/public/documents/NISPAcee/UNPAN006441.pdf>

10. *Randma, T.* Public Administration Education in Estonia [Electronic resource] / UNPAN Country and Case Studies. — N.-Y., 2000. — Mode of access: <http://unpan1.un.org/intradoc/groups/public/documents/NISPAcee/UNPAN006431.pdf>

И.Э. Федотова,

доцент

ЯЗЫК КАК ИНСТРУМЕНТ СОЦИАЛЬНОЙ ВЛАСТИ

Из-за способности к воздействию язык часто называют «инструментом социальной власти». В основе речевого воздействия лежит основная функция языка — коммуникативная. Своей речью в ее письменной (газета, журнал, книга и т.п.) или устной (телевидение, радио, бытовое общение и т.п.) форме мы всегда воздействуем на другого человека, который часто и не подозревает, что им манипулируют, внушая ему через рекламу мысль о необходимости приобретения той или иной вещи, лекарства или заставляя слушать посулы очередного политика.

Цель данной статьи — проанализировать особенности речевого манипулирования и выделить те языковые единицы, при помощи которых оно осуществляется, что позволит решить задачу распознавания скрытой манипуляции.

Манипулированием называется такой «вид взаимодействия между людьми, при котором один из них (манипулирующий) пытается осуществить кон-

троль за действиями другого (манипулируемого), побуждая его вести себя удобным манипулирующему способом: голосовать за нужное решение или нужного кандидата, платить налоги...» (М. Паршин, Ю. Пирогов). В прямом значении слово «манипуляция» обозначает умение «ловко управлять руками». Манипуляция в современном смысле — это программирование мнений и устремлений масс, их настроений и даже психического состояния с целью обеспечить такое поведение, которое нужно тем, кто владеет средствами манипуляции. Отличительной чертой манипуляции является отношение к партнеру по взаимодействию не как к личности, обладающей самоценностью, а как к объекту, посредством использования которого достигаются, как правило, скрываемые цели манипулятора, реализуются его интересы и удовлетворяются потребности без учета интересов, воли и желаний человека, выступающего в качестве объекта манипуляции.

Язык в процессе манипулирования является сильнейшим орудием в руках манипулятора.

По Герману Кесстену, есть целые профессии, представители которых вынуждены лгать, «например, теологи, политики, проститутки, дипломаты, поэты, журналисты, адвокаты, художники, актеры, ..., биржевые маклеры, судьи, врачи ...». И дело здесь не в языке, а в тех, кто его применяет. Одни и те же языковые средства используются и для искажения истины, и для ее выяснения. Поэтому можно говорить о языковом манипулировании как особой разновидности языкового воздействия. Своей речью мы всегда воздействуем на другого человека.

Языковое манипулирование — это такое манипулирование, которое осуществляется путем сознательного и целенаправленного использования тех или иных особенностей устройства и употребления языка. Внушаемость посредством слова — глубинное свойство психики, возникшее гораздо раньше, чем способность к аналитическому мышлению. Ядром воздействия, самым коротким путем к подсознанию является языковая суггестия, которая характеризуется использованием в практике языкового (текстового, дискурсивного) взаимодействия специальных языковых маркеров-суггестем, успешно воздействующих на выбор тех или иных предпочтений в деятельности человека. Речевое воздействие почти всегда обусловлено внелингвистическими факторами. Оно обращено прежде всего к чувствам человека. Установлено, что получаемое сообщение оценивается сначала с точки зрения его эмоционального воздействия, затем — соответствия социальной и лингвокультурной форме и только потом собственно информативности. К эмоциям, как правило, обращены лозунги избирательных кампаний («Голосуй сердцем», «Голосуй или проиграешь»). По Н.А. Пикач, при языковом манипулировании используется и «социальное самочувствие человека» (желание быть не хуже других — «Мы все любим путешествовать»); идеологемы, или разделение на своих и чужих, присущее еще языку советской эпохи (их шпионы и наши разведчики; бескомпромиссные террористы — нейтральные боевики или сепаратисты — сочувственное повстанцы; угроза — их способность к

нанесению удара; *сдерживание* — наша способность к нанесению удара; *гибкость* — мой компромисс; *беспринципность* — его компромисс; *свобода печати* — вседозволенность). Невольно вспоминаются знаменитые слова Ф. Рузвельта: «Лидером другого государства может быть сукин сын, но главное, чтобы это был наш сукин сын».

Обращаясь к чувствам человека, манипулятор обращается прежде всего к чувству страха, гнева, ненависти. Выбирая определенную эмоционально окрашенную лексику, можно разозлить, запугать человека и таким образом определить его поведение (*катастрофическое ухудшение, установление контроля, неоднозначные последствия, провокации* — из языка газет). Обращение к негативным эмоциям часто встречается в рекламе, прежде всего лекарств, косметики, где применяют прием внушения беспокойства (*Каждый раз после еды во рту нарушается кислотно-щелочной баланс и возникает опасность кариеса*). В рекламе также часто используются социальные мотивы. Потребителю обещают повышение его социального статуса, общение к миру избранных, миру знаменитых («*Max Factor*» — *косметика для профессионалов*) и т.д.

Выделяют шесть словесных «инструментов власти», имеющих в распоряжении отправителя информации:

- выбор слов и выражений;
- создание новых слов и выражений;
- выбор грамматической формы;
- выбор последовательности предоставления информации;
- использование интонации, тональности;
- общий контекст.

При выборе слов и выражений очень широко используются эвфемизмы: *трагедия* вместо *преступление* (у преступления есть виновник, а в трагедии все без вины виноватые); *крупномасштабные столкновения вооруженных группировок в борьбе за власть* вместо *гражданская война*.

Много средств языкового манипулирования предоставляет синтаксис, прежде всего употребление пассивного залога вместо активного (*захвачены заложники* вместо *захват заложников*). В результате одно и то же событие может быть описано по-разному:

Спецназ открыл огонь и застрелил одиннадцать демонстрантов.

Одиннадцать демонстрантов были застрелены, когда полиция открыла огонь по бесчинствующей толпе.

Активно используются пословицы и поговорки («*Красота спасет мир*», «*Хотели как лучше, а получилось как всегда*»). Известнейший прием манипуляции — использование метафор (*борьба за мир; война с бедностью; процесс пошел; корабль реформ, перестройки; склероз власти; паралич государственности; эпидемия преступности* и т.п.).

Известный лингвист В.В. Колесов отмечает, что «неистовая метафоризация речи просто поражает». Современная метафора представляет собой тот

же словесный штамп, поскольку используется языковая структура, основанная на глагольной форме, фактически утратившей свой лексический смысл и ставшей связкой: *работает идея, мысль, закон, конституция, все и вся работает; идет процесс (процесс пошел), реформа; корабль реформ, перестройки, государственности; болезнь общества: язвы, микробы, малокровие, аллергия, паралич, склероз, смерть; склероз власти, паралич государственности, эпидемия преступности.*

Известнейший пример речевого воздействия — использование так называемой военной метафоры (*борьба за мир, война с бедностью, сражение с коррупцией, схватка двух партий, столкновение в бою* — о дебатах в парламенте и т.д.). Другая широко распространенная метафора — архитектурная (*общий европейский дом, построение правового государства*).

Часто при манипулировании используют прессуппозицию, т.е. информацию, которая неявно содержится в высказывании. Навязывание тех или иных сведений через прессуппозицию активно применяется в рекламе (*Почему автомобили «Мерседес» самые безопасные? Прессуппозиция: автомобили «Мерседес» самые безопасные*).

Языковое манипулирование встречается гораздо чаще, чем принято думать. Американский лингвист Д. Лакофф показал, что в академической дискуссии, считающейся идеалом рационального спора, в скрытой форме представлены такие весьма грубые разновидности языковой манипуляции, как нечистоплотная аргументация и словесная агрессия. Выражения типа *Несомненно, что...* и *Очевидно, что...* могут рассматриваться как запугивания, потому что вряд ли кто-то захочет признаться, что не понимает очевидного. Выражение *Сказать это означало бы впасть в известное заблуждение* воспринимается как угроза; *Для того чтобы избежать позитивистских ошибок* — как отрицание авторитета; *Назовем такую теорию устным рационализмом* — как оскорбление и т.д.

Существуют некоторые сферы жизни, в которых языковое манипулирование играет важную роль. Это прежде всего политика, реклама, воспитание, обучение, судебная практика, все виды словесных наук и т.д. Элементы манипулирования присущи и повседневному общению. Тот же Д. Лакофф считает, что все мы манипулируем языком и делаем это постоянно. Любое высказывание содержит несколько смысловых слоев. Наиболее очевиден речевоздействующий потенциал лексики.

Сознательное, целенаправленное использование особенностей устройства и употребления языка отличает языковое манипулирование как от словесной аргументации и риторики (т.е. убеждения словом с помощью тех или иных доводов), так и от других видов манипулирования (социального, логического, психологического).

Проблема манипуляции сознанием человека — глобальная проблема, появившаяся именно в XX в. Несмотря на древних софистов, на XIX в. с его вопросами «Кто виноват?» и «Что делать?», только в прошлом столетии с появлением средств массовой информации стало возможно с таким размахом

манипулировать массовым сознанием. Два величайших манипулятора XX в. — Гитлер и Сталин — подчинили своему воздействию «помутившийся разум целых наций», сделав это прежде всего с помощью языка.

В условиях глобализации манипулятивные воздействия политиков являются основным способом борьбы за власть как внутри своих стран, так и на международной арене. Но, говоря о политических технологиях, имеют в виду все что угодно, только не языковое воздействие, хотя еще Д. Фалернский утверждал: «Тем могуществом, которым на войне обладает железо, в политической жизни обладает слово». Как только диктор или политик произносят малопонятные слова типа *ваучер* или *секвестр*, идет манипуляция, потому что если бы говорящий желал, чтобы его информация была понята и осмыслена, то он сделал бы ее понятной, а не употреблял агнонимы. Целью употребления непонятных слов является подавление слушателя ложным авторитетом говорящего.

Иногда агнонимы выступают прикрытием лжи, скрывая истинное значение происходящего. Зачастую реальные мотивы действий политиков не могут быть открыты широкой аудитории, так как способны вызвать негативную реакцию. Поэтому прежде всего именно язык политики полон эвфемизмов и туманных формулировок (гибель мирных жителей во время проводившейся НАТО акции на Балканах — «*сопутствующий ущерб*»; уничтожение деревень — «*умиротворение*»). Для политиков слово уже давно стало привычным оружием. Лингвистический анализ даже небольшого отрывка из выступления политика демонстрирует наличие большого количества специальных языковых средств, с помощью которых говорящий воздействует на адресата: прием «ассерции, маскирующейся под прессуппозицию»; прием использования речевой имплицатуры; использование лексем, обозначающих реалии, отрицательно оцениваемые социумом; использование прагмем; специфическое использование личных местоимений (сегодня *нас* беспокоит ..., все *мы* наблюдали *с вами*); использование глаголов совершенного вида, создающих специфическую перфектную перспективу; прием устранения субъекта действия. Все проанализированные языковые средства используются для реализации скрытого воздействия, что и позволяет говорящему манипулировать сознанием слушающих, скрыто внедряя в психику адресата цели, мнения, установки, необходимые политику в его борьбе за власть.

Согласно Пауло Фрейре, манипуляция разумом человека «есть средство его порабощения, один из способов, с помощью которых правящие элиты пытаются подчинить массы своим целям».

Язык как система понятий, слов, в которых человек воспринимает мир и общество, есть самое главное средство подчинения. «Мы — рабы слов», — сказал К. Маркс.

Народы бывшего СССР, долгое время слепо верящие в СМИ, являются неискушенными в использовании манипуляций массовым сознанием и, не обладая достаточным уровнем психологической грамотности, не могут оказать им достаточного сопротивления. Податливость «постсоветских людей» манипулятивным приемам — во многом наследие советского воспитания.

Все изложенное и некоторые другие факторы послужили причиной возникновения в России в конце прошлого века политический лингвистики — относительно новой, активно развивающейся научной дисциплины, возникшей на стыке лингвистики, социологии и политологии и занимающейся изучением политической коммуникации, т.е. использованием ресурсов языка как средства борьбы за политическую власть и манипуляции общественным сознанием, пропаганды тех или иных идей.

В России формирование политической лингвистики как особого научного направления происходило в последнее десятилетие XX в., чему способствовали как бурные изменения в политическом языке, отражавшие коренные социальные преобразования в постсоветской России, так и появление возможности открыто выражать свои взгляды, использовать опыт западной политической науки.

В современной российской политической лингвистике сформировалось несколько относительно автономных, хотя и взаимосвязанных направлений: исследование в области теоретических основ политической лингвистики — анализ конкретных единиц в рамках политических текстов; исследование советского политического языка — изучение языка постсоветской эпохи; автономное исследование отдельных аспектов политического языка; исследование жанров и стилей политического языка; исследование идиостилей различных политических лидеров, политических направлений и партий; дискурсивное исследование коммуникативных ролей, ритуалов, стратегий и тактик; исследование политического языка.

В.А. Хмельницкий,

кандидат экономических наук, доцент

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ВНУТРЕННИХ И ВНЕШНИХ КОНТРОЛЕРОВ КАК СРЕДСТВО ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРОВОДИМЫХ ПРОВЕРОК (РЕВИЗИЙ)

В настоящее время специалисты контрольно-ревизионных служб министерств, ведомств, других республиканских органов государственного управления, представители вневедомственного контроля (внешние контролеры) в основном осуществляют проверку непосредственных хозяйственных процессов и финансовых операций субъектов предпринимательской деятельности. Это регламентировано и действующими нормативными актами, и инструктивными материалами, определяющими организацию и содержание контрольно-ревизионной работы в Республике Беларусь. В то же время такой подход с точки зрения современных требований можно признать неполным,